

А-Нин выбрал с подноса самый крупный кусок сладостей, завернул его в платок, спрятал за пазуху, а затем ловко выскользнул из повозки. Его взгляд встретился с глазами той женщины, он чуть улыбнулся и уже собрался спрыгнуть, чтобы подбежать, но та вдруг резко поднялась и, волоча исхудавшие ноги, заковыляла к нему.

Вместе с ней А-Нина заметили и другие беженцы. Изголодавшиеся люди, увидев этого здорового и чистоплотного юношу, словно стая волков, учуявших свежее мясо, начали подниматься и тесниться к нему.

— Молодой господин, подайте хоть крошечку поесть!

Они вопили, кто-то не выдерживал и падал на землю, но никто не обращал на упавших внимания. Люди шагали через ещё не остывшие трупы, не глядя на хлюпающую под ногами кровь и грязь, словно бездушные, затасканные куклы. А-Нин замер на месте, ошеломлённый, и вот уже семь или восемь грязных рук готовы были втянуть его в толпу. В тот же миг один из охранников стремительно выхватил юношу и водворил обратно в повозку, затем обернулся, обнажив меч, и рявкнул:

— Назад!

Морозный блеск стали заставил беженцев остановиться, на мгновение в толпе возникла неуверенная заминка. Кучер тут же воспользовался моментом, со всей силы взмахнул кнутом, и повозка рванула прочь.

Снаружи по-прежнему доносились вопли, мольбы, рыдания и полные отчаяния проклятия — леденящие душу звуки. А-Нин сидел в углу повозки, прижимая к груди раздавленный кусочек сладости, и не проронил ни слова. Он привык слушать, как второй господин рассуждает о парящем в пустоте Небесном Дао, но впервые столкнулся с обнажённой человеческой природой. Только что, на его глазах, как минимум троих затоптали в толпе — и они, без сомнения, умрут. А причиной всему стали его собственная опрометчивость и невежество.

— Не плачь, — сказал Лю Сюаньань.

А-Нин всё ещё не поднимал головы.

Лю Сюаньань привлёк его к себе, обнял и похлопал по спине.

— Врач может исцелить человека, но не в силах исцелить Поднебесную. Не кори себя сверх меры.

— А кто же тогда может исцелить Поднебесную? — спросил А-Нин, и в голосе его слышался сдавленный плач.

Кто может исцелить Поднебесную? Лю Сюаньань не ответил, а лишь повернул голову к окну, за полупрозрачной занавеской которого виднелась высокая фигура всадника с мечом у пояса.

...

Ворота Цуйцючэна были наглухо закрыты со всех сторон, на них красовалось большое объявление: город уже принял множество беженцев и более не в состоянии вместить ни единого человека. Но даже несмотря на это, за стенами по-прежнему толпился народ, устроившийся в тенистых местах. Увидев, как стража отворяет ворота для одной-единственной повозки, люди снова хлынули вперёд.

Лю Сюаньань прикрыл ладонями уши А-Нина, оградив его от внешних криков и стенаний. Подобные звуки сопровождали их почти всю дорогу. Пусть А-Нин и был врачом, он всё же оставался юнцом, не сумевшим оправиться от шока после той давки и беспорядков, и говорил теперь куда меньше.

Стража проводила повозку в город, и высокие ворота захлопнулись, разделив два совершенно разных мира.

За воротами простирался настоящий ад — земля, усеянная трупами умерших от голода. Внутри же город по-прежнему сохранял подобающий ему облик. Хуа Пинье доложил:

— Ваше Высочество, помимо зерна, распределённого среди горожан по необходимости, в Цуйцючэне действительно не осталось ни лишней крупинки риса. Трупы за воротами с каждым днем множатся, это просто...

В таких условиях Хуан Вансяну даже не нужны были какие-либо колдовские чары. Стоило ему лишь поднять знамя и пообещать, что в будущем все будут сыты, как тысячи людей устремились бы за ним.

— Эти люди сначала отняли зерно, выделенное казной, а затем разграбили два-три городка, — продолжал Хуа Пинье. — Чиновников убивают на месте, а их головы вывешивают у входа на гору Гаолян в устрашение. Говорят, Хуан Вансян открыто заявил: за голову «собаки-чиновника» дают две корзины зерна.

Отняв казённое зерно, они обрекли на голодную смерть тех, кто ждал этой помощи. Разграбив города, они обрекли на страдания ни в чём не повинных горожан. В смутные времена, когда народ не может жить в покое, люди сначала становятся жертвами, затем сами превращаются в гонителей, порождая всё новых и новых жертв. Этот порочный круг будет раскручиваться, пока всё не рухнет окончательно.

Лю Сюаньань уже видел в долгой истории слишком много подобных примеров.

Хуа Пинье распорядился подготовить для гостей комнаты. Лян Шу проводил Лю Сюанья до его покоев и спросил:

— Я слышал от Гао Линя, ты хотел приобрести лекарства от обычных летних хворей?

— Это предложение А-Нина. Соединение толп беженцев и знойной погоды — верный путь к эпидемии, — ответил Лю Сюаньань. — Да и трупы за городскими стенами лучше поскорее предать земле, присыпав известью.

— Об этом можешь не беспокоиться. Хуа Пинье каждый день отправляет солдат в тяжёлых доспехах для утилизации тел. — Что касается причины, по которой требовались тяжёлые доспехи... Во-первых, для устрашения, во-вторых, для защиты от давки, а в-третьих... Здесь Лян Шу умолчал о более кровавой и жестокой реальности. Для иных, изголодавшихся до предела людей, свежий труп тоже был пищей. Чтобы отбить у солдат этот «паёк», они могли вцепиться в них с яростью диких зверей.

Губы Лян Шу были сухими и потрескавшимися. Лю Сюаньань приподнял крышку чайника, стоявшего на столе: внутри плавали крупные листья, настой был густым и тёмным — наверняка очень горьким. Он повернулся, достал из шкафа фарфоровый сосуд, высыпал оттуда немного порошка и размешал его в тёплой воде.

— Ваше Высочество, выпейте воды.

Лян Шу взглянул на чашку с розоватой жидкостью.

— Вы, лекари, даже яд подмешиваете так, не таясь?

Лю Сюаньань усмехнулся.

— Это порошок из сушёных диких слив. Я добавил немного ганьмэй, чтобы вызвать слюноотделение и возбудить аппетит, а также иньдань — для ясности ума. Вместе эти компоненты вряд ли могут отравить.

Лян Шу отпил. Кисло-сладкий вкус, а за ним — волна прохлады, ударившая от кончика языка прямо в макушку. Действительно, весьма эффективно.

Лю Сюаньань протянул ему сосуд.

— Осталось ещё много. Возьмёте с собой?

Но Лян Шу не принял его.

— Не умею.

Для небожителя, отпрыска знатного рода, неумение налить себе воды в чашку было делом обычным.

Значит, если захочет пить, придётся лекарю готовить напиток собственноручно.

Лю Сюаньань убрал сосуд обратно в шкаф.

Лян Шу сидел за столом и наблюдал за его движениями. Тяжкий груз забот, давивший на сердце всю дорогу, лишь сейчас немного ослабел. Пусть он и привык к виду смерти, но смерть смерти — рознь. Гибель сотен, тысяч, десятков тысяч воинов на поле брани была платой за жизни сотен тысяч, миллионов, десятков миллионов простых людей. Потому даже если кости погребены в жёлтом песке, такая смерть не напрасна. Но что несли с собой смерти жителей долины реки Байхэ?

Смерть простолюдина не несёт в себе ни капли славы — лишь бесконечный позор и отчаяние, а ещё обвинения, полные крови и слёз, обвинения в неспособности правителей.

Перед лицом целой эпохи сила одного человека или даже группы людей поистине ничтожна. Лян Шу закрыл глаза, пытаясь упорядочить мысли, но тут же ощутил на висках прохладное прикосновение. Лю Сюаньань склонился над ним, держа в руке коробочку с какой-то мазью, и принялся неспешно массировать виски тонкой нефритовой палочкой.

— Разве перед осмотром не положено предупреждать пациента? — спросил Лян Шу.

— Мой отец лечил меня точно так же, — ответил Лю Сюаньань. — Одно время у меня были проблемы с желудком и селезёнкой, требовалась терапия. Частенько я просыпался от того, что меня кололи иглой. — Он придвинул стул и уселся. — Придворные лекари соблюдают множество правил, а мы... Не двигайтесь!

Лян Шу глубоко вдохнул.

— Почему не двигаться? Взгляни-ка сам, какую толстую иглу ты держишь. — Да и откуда она вообще взялась?

— Не такая уж и толстая. Самые толстые иглы у моего отца, он никому не позволяет к ним прикасаться. — Лю Сюаньань продолжил:

— Мои — тонкие. Я же сказал, не двигайтесь, а то промахнусь.

Его Высочество князь Сяо застыл на стуле, так и не поняв, как вышло, что, проводив человека до покоев, он вдруг оказался утыкан иглами с ног до головы. Сначала сладкое снадобье, затем охлаждающая мазь, а теперь и эти чудовищно толстые штуки. Всё это доставалось поочередно, да ещё сопровождалось разговорами, чтобы отвлечь внимание. Если бы это было военной хитростью, то назвали бы так: «тайно преодолеть Чэньцан», «дать слабинку, чтобы крепче схватить», «в мутной воде ловить рыбу» или «прикинуться глупцом, не теряя головы».

— Ты нарочно, — заявил он.

Лю Сюаньань отрицательно покачал головой. Вовсе нет.

— Гао Линь тебе насплетничал.

Лю Сюаньань снова покачал головой. Ничего он не насплетничал.

— Он смерти ищет.

Лю Сюаньань, сохраняя невозмутимое выражение лица, лишь сказал:

— Так. Сидите смирно.

Действительно, это Гао Линь обратился к Лю Сюаньаню с просьбой: мол, наш князь в последнее время страдает от головных болей, да и спит беспокойно, не найдётся ли способа его подлечить? Но при этом добавил: лучше бы без иглоукалывания, без горьких микстур, да и терапии, требующей долго лежать, тоже избежать. У Его Высочества князя Сяо и без того много причуд, а нарушение его табу может вызвать гнев — немало придворных лекарей уже заплатились за это.

<http://bllate.org/book/16268/1464319>